

Как Веничка, справляя нужду, ГОРКОМУ ВЛКСМ репутацию подмочил

Фрагменты невероятной жизни создателя поэмы «Москва - Петушки» Венедикта Ерофеева в изложении близких друзей и собутыльников писателя

ИГОРЬ Авдиев и Вадим Тихонов - реальные прототипы ерофеевских героев из знаменитой поэмы в прозе «Москва - Петушки». Они же его собутыльники, душеприказчики и друзья. Московского поэта Игоря Авдиева (он же Черноусый) Веничка наделил чином министра обороны Петушкинской республики. Вадиму Тихонову, подслеповатому и ред-козубому, Ерофеев подарил посвящение на обложке «Москва - Петушки»: «Моему любимому первенцу посвящает автор эти трагические листы». Мы встретились с друзьями Ерофеева в кулуарах Музея Маяковского (когда обмывали новый томик Веничкиных сочинений «Оставьте мою душу в покое»). Пили шампанское, обнимались да хохотали. «Это хорошо, это - в нашем духе», - сказал бы Веничка.

Вспоминает Вадим ТИХОНОВ:

Почему Веничка мне «Петушки» посвятил? А кому еще посвящать? Мы с ним до самой смерти дружили, жили бок о бок. Познакомились во Владимире. Мне был 21 год, ему - 23. Он учился в пединституте. Правда, недолго - его со скандалом выгнали. И дали 24 часа на то, чтобы убраться из города. Веничка подошел ко мне и попросил политического убежища. «Слушай, Ерофеич, - говорю, - а какого хрена ты должен уезжать? Оставайся у меня - будем пока вагоны разгружать». Он остался, а через год уехал поступать в Коломенский пединститут. Его и оттуда выперли. Так мы жили почти тридцать лет. С 1961 года и до самой Веничкиной смерти.

«**М**ОСКВА - ПЕТУШКИ» он написал сногсшибательным каллиграфическим почерком и подарил мне. Эту ценную рукопись я однажды дал на сохранение Седачихе - одной знакомой девушке. Она же кому-то ее спланила. С тех пор о Веничкином подарке ничего не известно. Письма и фотографии разокрали друзья. Приедут, порыскают, и готово. Ерофеев умер, и я остался «вторым алкоголиком на Руси». Первым был Веничка.

Сейчас большей частью живу под Москвой. В последнее время служил смотрителем на сельском кладбище. Работа непьющая, спокойная. «Счастье» длилось недолго - меня выгна-

ли: я не ходил на кладбище во время христианских праздников. Пополнил ряды безработных. Хотя иногда и предлагают подзаработать. Например, мемуары написать о Веничке. Недавно обещали 50 тысяч долларов заплатить за мои рукописи. Но мне денежки сразу нужно. Я не согласный ждать, пока напечатают. Однажды с режиссером Любимовым хотели пьесу поставить - «Москва - Петушки». Он сказал: «Пиши сценарий». Но тут произошла размолвка с Губенко. Любимов в пылу разгоревшегося конфликта обо мне позабыл.

КАК-ТО я Веничку от смерти спас. Это была удивительная история. Он любил одну женщину в Орехово-Зуеве - совершенно до безумия. Но это не мешало ему ходить к другой - он ее туда аж из Владимира привез. Веничка разрывался надвое: то к ореховской, то к владимирской. Первой говорил: «Не сердчай, дурочка. Ну раз она ко мне приехала, я же должен с ней повидаться». А той объяснял совсем по-другому: «Я же не к ней приехал, а к тебе, но мне и с ней тоже посидеть надо». Это Юлия Р. Была такая. Строгая и неприступная комсомольская богиня. Однажды в пылу ревности она схватила ружье и пальнула в Ерофеева. Слава Богу, заряд оказался холостым, а то бы нашему Веничке тяжко пришлось. Ружье я выхватил. Смотрю, мой Ерофеич лежит на земле белый, как снег. «Ничего, - говорю, - успокойся. Сейчас пойдем ворон стрелять». Веничка не мыслил своего существования без женщин. Они его безумно любили и всегда стояли перед ним на коленях. Ну, как у Пушкина.

Вспоминает Игорь АВДИЕВ:

Мы дружили с Ерофеевым более четверти века. Каким он был? Жизнерадостным, обаятельным, щедрым. Придешь к нему, а он тебя сразу за стол сажает: «Ешь, по-жалуйста, пей, вливайся в нашу компанию». Моя жена к нему ревновала и ругалась: «Ну что ты все время убегаешь к Веничке? Я вышла замуж за тебя, а не за Веничку». Бывало, и он целыми днями торчал у меня, иногда ночевал. Однажды я даже свой дом покинул ради Ерофеева, у него скрывался. Там же избежал армии. На меня пос-

Веничка Ерофеев воплотил в себе российский идеал: он был талантливый и сильно пьющий.

ле этого всесоюзный розыск объявили.

ПОЭМУ «Москва - Петушки» Веничка писал в строительном вагончике. Сначала на станции Железнодорожная, когда тянул кабель до Орехово-Зуева, а потом около Лобни. Жил в пустом и заброшенном общежитии, спал на голом матрасе. Потом он во Владимире устроился на наших явочных квартирах. Время опасное было - за нами все время кагэбэшники следили. Мы никому не мешали - пили портвейн и читали стихи. А им казалось, что наша безмятежная компания участвует в каком-то антисоветском заговоре. С Веничкиной поэмой у меня связана забавная история. Как-то я приехал к нему в Лобню, в его бригаду монтажников. Вижу - Веничка прячет зеленую тетрадку. Легендарная вещь. Она посвящалась разным людям. Кто только не пытался ее у него стянуть! Там была и рукопись поэмы «Мо-

сква - Петушки», написанная до главы «Станция Усад». Вот я тетрадку у него и вытащил. Украденную поэму прочитал за считанные минуты прямо в электричке, когда в Москву возвращался. Вышел на Савеловский вокзал очумевшим. Помчался к Тихонову. Там еще раз рукопись вместе прочитали. Плакали и смеялись от восторга. А утром приезжает бледный Веничка, сам не свой. «Негодяи, это вы тетрадку утащили?». - «Мы». - «Слава Богу, что нашлась. Давайте немножечко шлепнем». Вот так по пьяни я чуть не загубил его знаменитую поэму. В самом ее зародыше.

ВЫПИВКА была для него работой. Он так говорил: «Человек отличается от животного тем, что пьет водку». От выпивки человеческое тело становится дряблым, а душа твердой. Когда выпить было нечего, мы изобретали коктейли. О них Веничка в поэме написал. Все составляющие ком-

поненты перепробовали. Однажды даже какое-то германское средство на синтетической основе пили. У Венички начались такие страшные почечные колики, что он, бедняга, по полу катался. Я его спрашиваю: «Тебе действительно совсем плохо?». А он говорит: «В чудесном месяце мае распустились почки. Помнишь, как у Гейне?». Сохранить остроумие, когда ты испытываешь такие муки, мог только Ерофеев. Если на столе стояла бутылка какой-то сомнительной и незнакомой жидкости, все предупреждали Ерофеева: «Не пей, мало ли что может случиться». Он говорил: «О, поверхностные люди, в этой жизни все надо испытать». Ерофеев брал этот стакан и пил. Мы сидели и ждали. Минут через десять он опрокидывал второй. «Тогда и нам наливай», - говорим.

Одно время мы жили в здании Владимирского горкома комсомола. Его как раз реконструировали. Сторож, донской казак, разрешил нам поселиться там на несколько дней. Комната, в которой сидел первый секретарь горкома, служила отхожим местом. Мы там писали и блевали...

ВЕНИЧКА умер от рака горла. Я часто навещал его в больнице незадолго до смерти. Помню, пришел к нему с жутким похмелем. Веничка спрашивает: «Плохо тебе?». Я вздыхаю: «Ой, как плохо». «Недавно приходил Максимов со своим «Континентом», - продолжает умирающий Ерофеев. - Оставил мне пиво. Я уже пить не могу, а ты выпей». Он смотрел, как я откупориваю эту баночку, подношу ее к пересохшим губам, пью. «Полегчало?», - спрашивает Веничка. Я вдрог почувствовал, что и ему стало легче на душе, как будто его страшная боль отступила.

Последние две недели до смерти он пролежал в беспмятстве. Веничка отходил. Ему уже не давали наркотиков. Его пичкали обыкновенным анальгином. Мы долго умоляли врачей оставить Веничку в больнице, а не выписывать домой как безнадежного больного. Они согласились. Ерофеев угаданным утром 11 мая 1990 года в пустой больнице (праздники были). Я собрал его вещи, взял ботинки и отправился в морг - переделывать Веничку. Он похоронен на Новокунцевском кладбище. Каждый год мы ходим на его скромную могилку. Вспоминаем, пьем портвейн. А над кладбищем в это время тихо и незримо пролетают Веничкины Ангелы...

Записал Сергей АВЕРКИН.
(Наш корр.)